

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСЛЯЦИИ ЗНАНИЙ ВО ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ КОНТЕКСТАХ МНЕНИЯ

К.Х. Рекош

Ключевые слова: трансляция знаний, контекст мнения, государство-изгой, эквиваленты, диалог культур, языковая картина мира.

Keywords: transmission of knowledge, the context of opinions, rogue-state, verbalization, equivalents, dialogue of cultures, language picture of the world.

Термин «трансляция знаний» является общим родовым понятием, обозначающим переносы, переходы и переводы вербализованных (научных, профессиональных, обыденных, практических) знаний, информации устно, письменно, в синхронии и диахронии, а также в разных культурах и на разных языках и позволяющим ему быть предметом лингвистических и логико-философских исследований. Логико-философский подход позволяет констатировать точки появления новых смыслов в языковой картине мира, особенно при изучении имен собственных или именных групп отдельно от высказывания – коммуникативной функции языка.

Античные философы противопоставляли знание понятию «мнение», характеризую знание на основе дихотомий: истинное / мнимое, общее / частное. В диалоге Теэтет говорится, что «ни ощущение, ни правильное мнение, ни объяснение в связи с правильным мнением, пожалуй, не есть знание» [Платон, т. 2, с. 274], в то же время «знания не может быть без объяснения и правильного мнения» [Платон, т. 2, с. 264], другими словами, «подражание, соединенное с мнением, основано на мнении, подражание, соединенное со знанием, является научным» [Платон, т. 2, с. 344].

Проблему соотношения знаний, смыслов, референтов и значений удобно изучать на примере имен, поскольку функция именованности отделима от коммуникативной функции языка и от знания, в частности, в контексте мнения, что изучается в статье «Загадка контекстов мнения» [Крипке, 1986, с. 194-242]. Используя методы подстановочности и взаимозаменяемости, С. Крипке в своей работе доказывает невзаимозаменяемость кодесигнативных имен в контекстах мнения [Крипке, 1986, с. 199]. «Кодесигнативное имя» сходно с термином по «жесткости» значения, но в отличие от термина соотносится с менее строго упорядоченными сферами. Чтобы

определить на основе указанных методов, сохраняют ли они свои смыслы при неизменном денотате, автор спрашивает, нельзя ли считать смыслом референты имени.

Подтверждая идею С. Крипке о невазаимозаменимости имен Цицерон и Туллий, приведем следующий диалог, который произошел в одном из книжных магазинов Москвы. На вопрос, почему из античных авторов представлен только один, был дан следующий ответ: «Как один? Смотрите: Марк! Туллий и Цицерон! Уже три!», иллюстрирующий, что с каждым именем связаны свои дескрипции [Крипке, 1986, с. 224]. В статье «Как связаны между собой смыслы наших слов и наши знания?» соотношение между смыслом, значением, словом, предложением и знанием рассматривается на основе логико-философских теорий Г. Фреге, Б. Рассела, Л. Витгенштейна, У. Куайна и делается вывод, что включение всех знаний в смыслы слов ведет «к искаженной картине как самого знания, так и языка» [Л.Б. Макеева, 2011, с. 183].

Настоящая статья является продолжением изучения вышеуказанной проблемы, но в условиях перевода и диалога культур. В ней рассматривается обратная ситуация, а именно: выражения, призванные быть тождественными и истинными и приводить к одинаковым последствиям, как будет показано, имеют разные смыслы, что потребует конвенциональности – «постулированной синонимии» [У. Куайн, 2000].

Переводческая деятельность основана на идее о том, что трансляция знаний должна происходить обязательно. Иначе зачем переводить? Противоположное мнение находим у В. Бибикина: «Когда мы умеем переводить, мы знаем, что перевод невозможен» [Бибикин, 2002, с. 52]. Философы, изучающие проблемы соотношения значения, слова, смысла и предложения, все больше склоняются к мысли о непереводимости, пытаясь ответить на вопрос, «что же есть в предложениях, содержащих имена собственные, что делает их — точнее, самый важный класс таких предложений — подлинно непереводимыми? Что делает их пригодными для выражения мнений, которые нельзя передать больше ни на каком другом языке» [Крипке, 1986, с. 230]. Эти вопросы релевантны как внутри одного языка, так и в случае перевода с одного языка на другой, то есть в ситуации трансляции знаний. Подробно проанализировав теорию контекстов мнения и имен собственных, С. Крипке отвечает на эти вопросы, связанные с его «загадкой», ссылаясь на «парадокс лжеца» [Крипке, 1986, с. 236].

Современные лингвисты-когнитивисты отличают трансляцию знаний в одной культуре и на одном языке, называемую «трансфером знаний» [Демьянков, 2016, с. 29], от переноса знаний на разных языках в разных культурах, принимающего формы лингвистических заимствований в рамках языковых контактов. Если рассматривать язык в двух ипостасях: упорядоченной (в каждой сфере знания) и рассеянной (состоящей из фрагментов упорядоченных картин), то трансфер знаний можно считать (механическим) принципом перехода упорядоченных знаний из специальных сфер в обыденную картину мира, ибо в обыденной картине мира они лишаются актуализации, которую имеют в соответствующей системе знания. Переход может происходить и в обратную сторону, и по разным направлениям. Для иллюстрации приведем пример, связанный с международным курьезом, произошедшим 6 марта 2009 года, когда Х. Клинтон привезла в Россию желтый кубик с красной кнопкой, на одной стороне которого было написано *reset*, а на другой «перезгрузка» вместо «перезагрузка» (он находится в Музее истории дипломатии МИДа РФ). Неправильный перевод английского *reset* тогда был воспринят как ошибка. Трансфер знаний заключался в применении понятия *перезагрузка* в значении *изменения политических отношений* между двумя странами на английском языке и его использовании на русском языке и в том, и в другом случаях в обыденных картинах мира.

При переводе трансляция знаний усложняется: появляется риск несоответствия упорядоченности и рассеянности по языкам, не говоря о смысловых искажениях, а также отсутствия знания на языке перевода или невозможности его выразить. Теперь, по прошествии ряда лет, признавая, что «перезагрузка» отношений между РФ и США не произошла, некоторые журналисты начинают усматривать в вышеуказанном переводе не ошибку, а злой умысел со стороны США, и утверждают, что США на самом деле имели в виду «перезагрузку», что не соответствует значению слова *reset*, ибо «перезагрузка» на английском языке *overload*.

Неправильный перевод «перезагрузки» не концептуализировался, став музейным курьезом, концептуализировался концепт «перезагрузка»: «Давайте избежим «перезагрузку», которая себя запятнала (прямой намек на конкретные события)», – предложил один из российских политических деятелей.

На основе осмысления лингвистических понятий и терминов возникает вопрос, откуда черпаются знания на языке перевода (*langue d'arrivée*), из какого пространства: междисциплинарного, межязыкового, из его картины мира или из картины мира

переводимого языка (*langue de départ*)? Чтобы ответить на поставленные вопросы, рассмотрим данную ситуацию на примере выражений *rogue-state*, *État-voyou*, *государство-изгой*. Это имена, призванные быть переводческими эквивалентами в разных языках и культурах и превратиться в концепты в контекстах мнения (они не нуждаются в дополнительных контекстах для прояснения их смыслов).

Государство, которое нарушает основные законы Международного права и права человека и поддерживает терроризм, на английском языке называется *rogue-state*, на французском языке *État-voyou*, на русском языке *государством-изгоем*. В первый раз данный термин был употреблен американской администрацией при Рональде Рейгане в 80-ые года в отношении Ливии. Советский союз того периода Рональд Рейган называл «*the devil of the hell*» (французы использовали выражение *l'empire du mal*), что иллюстрирует практикуемое в США обыкновение приклеивать ярлыки суверенным государствам. После теракта 11 сентября в числе государств-изгоев называли Южную Корею, Пакистан, Ирак, Иран, Афганистан, а также Кубу, Судан и др. В 2016 году в американской прессе этот термин был применен и в отношении России. С точки зрения сознательности/бессознательности создание термина *rogue-state* – рукотворное творчество, а отнюдь не естественное порождение народного духа, несмотря на использование вокабул обыденного языка. Сознательное приклеивание ярлыков с отрицательной характеристикой является частью политики «демонизации» для осуществления определенных целей.

Отношения между вышеуказанными английским, французским и русским терминами далеко неоднозначные: английский термин введен первым, его французский эквивалент ближе к английскому оригиналу, нежели перевод на русский язык.

Понятия «*изгой*, *изгонять*» существуют на английском и французском языках. На английском языке они репрезентированы вокабулами: *to banish* (*изгонять, высылать из страны*), *expel*, *exile*, *ban*, *outlaw*, *outcast*, *castaway*, *pariah*. Однако в отношении государств был использован эпитет *rogue*, имеющий значения: *жулик, мошенник, негодяй, плутишка, бродяга*. Те же смыслы присутствуют и в дериватах: *to rogue*, *roguery*, *roguish*. В вокабуле *rogue* идеи изгойства нет. Косвенно она присутствует только в выражении *rogue's march* (*какофония, которой сопровождается изгнание с позором из полка, из города и т.д.*). Выбор эпитета *rogue* объясняется корреляцией *rogue state* с образом страшного, опасного зверя *rogue elephant* (*слон-отшельник*). Поскольку знание может быть невербализованным (или

вербализованным по прошествии определенного времени), необходимо его учитывать в качестве параметра трансляции знаний, что мы видим в рассматриваемом примере.

Во французском переводе *État-voyou* из набора знаний выпало знание о *слоно-отшельнике*, да и по свирепости *слон* и *voyou* разные: налицо потеря смыслов. Обе вокабулы *rogue* и *voyou* относятся к обыденным языкам. Среди многочисленных синонимов вокабулы *voyou* нет ни одного, который имел бы значение «изгой». Подобно тому, что мы видели на английском языке, в вокабуле *voyou* доминирующими являются смыслы *хулиган*, *негодяй*, *бродяга*, но не *изгой*. Применение этих терминов к одним и тем же денотатам (государствам) вместе с экстралингвистическими факторами способствовало их концептуализации. С одной стороны, в них сознательно заложена угроза от объекта носителя, с другой стороны, угроза от тех, кто дает такое имя.

Восприятие «нового» знания при переводе на французский язык можно увидеть в комментариях. В статье «*L'Amérique, État voyou*» («Америка, государство-изгой») американский лингвист Н.Хомский пишет, что Государственный департамент США отказался от выражения *État voyou* [Н. Хомский, 2000, с. 4-5], заменив его более «расплывчатым» выражением дипломатического языка *state of concern* (*État source d'inquiétude*) (государство, вызывающее озабоченность) для обеспечения большей гибкости в отношениях конкретно с 7 государствами. Н. Хомский дает французские эквиваленты английского выражения «*rogue-state*»: *État voyou*, *État hors-la-loi* (вне закона), *État paria* (государство пария), то есть государств, которые, по мнению Вашингтона, «поддерживают терроризм и соответственно подпадают в одностороннем порядке под санкции». Далее в статье фактически эксплицируются знания, которые стоят за указанными выражениями: государства *voyouis* являются «*воплощением гитлеризма и представляют угрозу для соседних стран*», с которой должны бороться «защитники международного правопорядка»: США и Великобритания. Таким образом, в указанном выражении идея государств *voyouis*, *hors-la-loi* находится в оппозиции к идее правопорядка, к Уставу ООН и принципу Совета безопасности, то есть к законным способам защиты. Назвав в заглавии истинное *État-voyou*, Н. Хомский пишет, что США и Великобритания должны были действовать в соответствии с законодательством и международными договорами.

В ходе концептуализации появившегося имени и закрепления новых смыслов возникает промежуток времени между фактом когниции при трансляции знания (появление термина *État-voyou*) и

концептуализацией. В книге Ж. Деррида «*Voyous*» закрепляется и расширяется семантическое поле понятий: *rogue States – les États voyous*. Ее автор рассматривает данные понятия в свете действий тех государств, которые выступают якобы гарантами законности и Международного права, а на самом деле первыми начинают войну и полицейские действия, так как на их стороне сила. Жак Деррида дает лингвистическую характеристику этим действиям: *La raison du plus fort (est toujours la meilleure) (У сильного всегда бессильный виноват)* и объясняет, что злоупотребление властью лежит в основе суверенности [Деррида, 2003, с. 145]. Именно США и примкнувших к ним Жак Деррида называет первыми *rogue States*. В основе действий этих государств лежит логика суверенности, которая может осуществляться только при «безраздельной имперской гегемонии» (*hégémonie impériale sans partage*). Поэтому злоупотребление властью и суверенность определяются как способность не подчиняться принуждению при некоторых обстоятельствах, что и квалифицируется термином *voyou*. На основе логики суверенности философ делает вывод, что потенциально или фактически государство действительно является *voyou*. И таких государств на самом деле значительно больше, чем мы думаем. Более того, по мысли философа, суверенность не совместима с правом, суверенное государство может быть только *voyou*. В данном случае налицо смена денотата и расширение значения за счет понятия суверенности. Представленные знания, касающиеся *État-voyou*, а также их применение к США влияют на значение рассматриваемых терминов.

На русском языке понятие «*государство-изгой*» в применении к США не встречалось.

На русском языке вокабула «*государство-изгой*» в строгом смысле слова не является эквивалентом вышеуказанных: переноса знаний не произошло. «*Изгой*» в русской ментальности не считается «*порочным и опасным*» как «*слон-отшельник*». Даже учитывая неточность восприятия, толкования дискурса и коммуникации, «*изгой*» несет совершенно иные коннотации и знание – вокабула «*изгой*» показывает последствия поведения как *voyou*. Новым смыслом вокабулы «*изгой*» является то, что она применена к суверенному государству и воспринимается во всем богатстве ее содержания, которое лингвистически и в смысле переносимого знания отличается от понятия *voyou*. В русской вокабуле «*изгой*» доминирует характеристика последствий изгнания в связи с каким-то действием, но не обязательно в связи с неподчинением, нарушением устоев правопорядка. В идее *voyou* доминирует не изгнание, а нарушение устоев, суверенность действий, поэтому комментарий

Ж. Деррида не позволяет назвать изгоем *État-voyou* («изгой» по-французски – *exclu, rejeté, marginal, banni*, но их философ не использовал).

Несмотря на то, что указанные термины в контексте не нуждаются, в лингвистическом анализе следует учитывать неоднозначность восприятия, толкования и понимания любых вокабул языка, культуры.

Понятие «изгой» в русской культуре теоретически может имплицировать *неподчинение, невыполнение устоев (причина изгойства)*, что может повлечь *изгнание*: однако они не являются доминирующими признаками. По аналогии с представленным выше анализом *изгойство* не находится в оппозиции к суверенности государства.

Ж. Деррида приводит синоним *l'Etat paria*. Словом «*тария*» (на тамильском языке «*барабанищик*») обозначается лицо из низшей касты Южной Индии, лишенное всяких социальных и религиозных прав. Под влиянием европейцев значение слова расширилось. Так называли «*отверженных, презираемых окружающими, неприкасаемых*» [Brewer's, 1997. с. 801], а позднее и государства. С точки зрения трансляции знаний использование данного выражения звучит как предупреждение (эмоция, а не объективный смысл) вышеуказанным государствам о том состоянии, в которое они впадут, если будут *voyouis*.

Метафоричность французского языка позволяет совместить два вида знаний: *état (состояние лиц или группы лиц)* и конкретный образ, символизируемый вокабулой *voyou*. Хотя *voyou* является переводческим эквивалентом, трансляция знания заключается не в его «заимствовании» из английского языка, а в том, что обычно он используется в сочетании с лицами, а в данном случае по отношению к суверенному государству. Это по существу реакция переводчика на сигнал, исходящий от символа *rogue States*.

На русском языке ситуация сложная: конкретность русского языка и пределы метафоричности мешают трансляции этих знаний в одном имени. Хотя это не означает, что смыслы *rogue-state* не могут быть выражены, например, на уровне предложения или коммуникации: *государство – это страшный, свирепый зверь*, по-французски: *l'Etat est une bête féroce*. Но в этом высказывании идея преступности не является доминирующей. Идея *bête féroce* существует в языковой картине мира Франции, в частности, в рассказе Э. Золя «Клетка диких зверей». Трансляцию знания, связанного с понятием «*зверь*» в применении к человеку, можно увидеть в переводе романа Э. Золя «Человек-зверь» (*La bête humaine*), что способствует его концептуализации.

Объясняя значение вокабулы «*государство*», В. Даль указывает, что наряду со значениями империи, царства и королевства, под вокабулой «*государство*» подразумеваются также и смыслы «*земля, страна*», что

мешает применить знания, которые несет вокабула *vooui*. В обыденной картине мира политологи черпают дискурсы, относящиеся к России, спрашивая: *мы великая страна или «бензоколонка»*. Эпитеты: *полицейское, нищее, жалкое, бандитское, преступное, свирепое, зверское, жестокое, лютое, воровское, разбойничье* – характеризуют в большей степени власть, правящую верхушку, нежели «землю, страну», хотя и сравнимы с *vooui*. В вокабуле *vooui*, наряду с отрицательной характеристикой (преступностью) самого лица, содержится и отрицательное к нему отношение (жалости нет). Понятие «*изгой*» применимо к группе людей, каковым является государство, что определяет трансляцию знания. К *изгю* отношение двойственное: и презрение, и жалость. Почему избрано знание, обозначенное вокабулой «*изгой*»? Не потому ли, что в русской культуре человек боится изгойства, а в американской и французской боятся *силы и преступности*?

В русской культуре вокабула «*пария*» кажется синонимом вокабулы «*изгой*», но в отличие от последней не обладает богатством, разнообразием, историей, этимологией смыслов и известных знаний и не символизирует трансфера знаний, ибо без специального изучения смысл слова «*пария*» не ясен. По-видимому, из-за неопределенности знания «*пария*» сочетается со словом *государство* в качестве эквивалента вышеуказанных терминов. Это служит доказательством того, что в акте коммуникации точность не нужна, достаточно передать эмоцию, особенно когда надо создать образ. Таким образом, на примере эквивалентов политического языка рассматривался отдельный вопрос диалога культур (или его отсутствия).

Вокабула «*изгой*», примененная к понятию «*государство*» в качестве его характеристики, возникла в наше время. В смысле трансляции знаний она отражает ситуацию, при которой слова обыденного языка используются в политических целях в качестве характеристики государств и оправдания санкций. В результате дальнейшего применения указанных вокабул к соответствующим государствам и целенаправленных комментариев (например, в СМИ) появляются желаемые дополнительные смыслы, но для их прояснения следует изучать их инициальные состояния.

На примере политических эквивалентов разных языков рассматривался вопрос трансляции знаний в диалоге культур (или при его отсутствии). Выполняя референциальную функцию, изученные эквиваленты по-разному характеризуют одни и те же денотаты (государства) и несут разные знания, что не позволяет признать их полной трансляции. Можно констатировать лишь отражение отрицательного

мнения, а его истинность или признание знанием требуют дополнительных исследований.

Полной эквивалентности в языке перевода, таким образом, достичь невозможно по определению (даже при редком сходстве вербализованных знаний остаются невербализованные знания, которые находятся в большей зависимости от внутренней формы языка), поэтому при переводе либо используется соответствующее родовое понятие, расширенный смысл которого должен покрыть искомый (видовой); либо переводимую единицу расчленяют на составные части и ищут в языке перевода сходные составные элементы; либо передаются эмоции; либо (как в приведенных примерах) переводчик пытается вызвать искомую (негативную) реакцию, – в любом случае полной трансляции знания нет.

При переводе происходит не переход знания из одного языка в другой, а поиск в языке перевода эквивалента либо возможности трансфера знания, но в пределах самого языка перевода, что подтверждается механизмом основной лингвистической универсалии передачей нового неизвестного при опоре на известное.

Проведенное исследование показало невозможность точного воспроизведения знаний, картин мира, информации в других культурах, хотя в акте коммуникации точность часто не требуется или опирается на «постулируемую синонимию».

Литература

- Бибихин В.В. Язык философии. М., 2002.
 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1.
 Демьянков В.З. Когнитивные техники трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. Москва-Тамбов-Тюмень. 2016. Вып. XXVI.
 Крипке С. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. Логический анализ естественного языка. М., 1986. Вып. 18.
 Куайн У.В. Слово и объект. М., 2000.
 Макеева Л.Б. Как связаны между собой смыслы наших слов и наши знания? // Язык - знание – реальность. М., 2011.
 Платон. Собрание соч. в 4-х тт. М., 1993. Т. 2.
 Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000.
 Brewer's dictionary of phrase and fable. Cassell Publishers Ltd. 1997.
 Derrida, Jacques. Voyous, Ed. Galilée, Paris, 2003.
 Noam Chomsky. L'Amérique. Etat voyou. [Электронный ресурс].
 URL: <http://www.monde-diplomatique.fr>
 Zola E. Une cage de bêtes féroces (Contes et nouvelles Volume 1 (1864-1874). Flammarion, Paris. 2008